

ные посты, а также на работы, назначенные для них старослужащими. Это происходит часто в силу того, что командиры подразделения недостаточно интересуются солдатской жизнью.

Служебные поручения даёт, как правило, уполномоченный командиром солдат (писарь), который ведёт журнал приказов. Роль командира сводится к функции инструктажа. Такое положение дел коренится в чрезмерной бюрократии, имеющей место на уровне подразделений, существенно ограничивающей возможности командиров заниматься личными делами своих подчинённых. Неформальные солдатские «руководители» без всяких препятствий пользуются своими привилегиями, и для младших солдат начинается период физических и психологических преследований, имеющих место, чаще всего, в послеобеденное и ночное время. В случае обнаружения ненадлежащих воспитательных мер, командиры чаще всего пытаются это сгладить или скрыть. Существует давно сформировавшаяся их боязнь реакции начальства высшего уровня в случае, если становится известной информация о несправедливостях, творимых солдатской субкультурой.

Функционирование субкультуры в солдатской среде имеет место в связи с недостатком подготовки, плохими условиями проживания, языковым вульгаризмом части командиров. Большое количество солдат пассивно относится к своим обязанностям (47%). Больше половины (65%) анкетированных считают, что выполняют свои служебные обязанности в соответствии с требованиями, в том числе 18% выполняют их сверх положенных требований. Каждый второй опрошенный солдат выполняет лишь минимум обязанностей. Делает видимость выполнения обязанностей каждый пятый солдат. Отношение к солдатским обязанностям дифференцировано сроком воинской службы. Чем больше срок службы, тем больше тенденция минималистского понимания служебных обязанностей. Недостаток финансовых средств не позволяет проводить подготовку на более высоком уровне. Это ведёт к тому, что солдаты ищут возможности «выплеснуть энергию» за плачем и тренировочными снарядами.

52% анкетированных солдат считают, что полученные ими служебные обязанности являются непосильными для них и исполнимыми. Это касается главным образом молодых солдат со сроком службы до 2-х месяцев. Они не очень нагружены служебными поручениями. Иного мнения придерживается 30% респондентов. Это касается солдат со стажем службы от 6 до 10 месяцев. Они считают, что количество заданий и обязанностей, порученных им, превышает возможности их выполнения. Только 7,9% считают, что нагрузка служебными обязанностями и заданиями является меньшей, чем возможности их выполнения. Время, которое остаётся, они используют для дополнительного отдыха. Остальные анкетированные затруднились ответить на поставленный вопрос. Меньше всего чувствовали себя нагруженными солдатскими заданиями и обязанностями старослужащие. Областью их особенного интереса является «научение» молодых солдат военному ремеслу, особенно муштре и физической подготовке. Нет смысла добавлять, что это своеобразное «научение» происходит без согласия и ведома начальства.

В исследованиях, проведённых Т. Беднарчиком, касающихся собственной оценки анкетированных, относительно масштаба оценок, овладение основными солдатскими умениями - стрельба из личного оружия, физическая подготовка, общие принципы солдат-

ского поведения, тактические навыки и пользование боевым снаряжением - получило оценки, находящиеся в пределе 3,44 - 3,76.

Часто недооцениваемой предпосылкой, благоприятствующей солдатской субкультуре, является социально-санитарная инфраструктура места дислокации подразделения. Примитивное и часто неисправное санитарное оборудование, отсутствие тёплой воды, смена белья и баня в соответствии с предписаниями раз в неделю, а также «сермяжная» обстановка воинских комнат и клубов порождает вульгарное поведение. К сожалению, это соединяется с плохими манерами, оскорбительным обращением к солдатам со стороны части командирских кадров.

Заключение. Указанные важнейшие причины функционирования субкультуры в солдатской среде говорят о том, что необходимы хорошо продуманные и подготовленные гуманитарные мероприятия. Неформальные обычаи в рамках «волнового» выполнения воинской службы рассматриваются солдатами в качестве их естественной социальной среды в армии. Она оценивается даже менее тяжёлой, чем жизнь по уставу. Пока не будет создана для солдат более привлекательная социальная среда, чем «волна», обряды «волны» будут популярны. Внимательный анализ явлений, вытекающих из солдатской субкультуры, позволяет утверждать, что последняя создаёт реальную угрозу для морали и воинской дисциплины. «Волна» вредно влияет на отношение к воинской службе, ослабляет мотивацию отличиться в подготовке, негативно сказывается на товарищеских связях и единстве подразделений. Она в крайних случаях может быть непосредственной причиной самоубийств, актов самокалечения, разрушения личности, депрессии и стрессовой ситуации. Она затрудняет также адаптацию к условиям воинской службы и может быть причиной досрочных увольнений, дезертирств, нарушения психики личности. Она содействует разделению солдат на лучших («волновики») и худших («уставики»).

Опыт показывает, что борьба с субкультурой не приносит ожидаемых результатов. Это, однако, не означает, что криминальные патологические явления можно одобрять. Нельзя допускать ситуации, когда позволяет топтать достоинство и личную свободу солдата. Масштаб и характер показанных опасностей говорит о необходимости обращения внимания на воспитательную деятельность. Речь идёт об умении распознавания проявлений субкультуры, знании проведения отдельных обрядов, привлечении к сотрудничеству неформального лидера «волны» и других неформальных руководителей.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bednarczyk T. Żołnierze służby zasadniczej wobec powinności wojskowych, Łowicz 1997.
2. Dąbska A. "Fala" w doświadczeniu potocznym żołnierzy służby zasadniczej, Sprawozdanie z badań WIBS, Warszawa 1994.
3. Dziwulski H., Wojsko i służba wojskowa w opiniach młodzieży, WIBS, Warszawa 1991. Dziurzyński K., W co wierzą w : „Itd” 1985 nr 36.
4. Kocięcka D., Subkultura młodzieżowa i żołnierska, Warszawa 1995.
5. Lipiec J., Stosunki społeczne w jednostkach liniowych Wojska Polskiego. Sprawozdanie z badań WIBS, Warszawa 1992.
6. Piłhul S., Potrzeba i założenia humanizacji w wojsku polskim, Warszawa 1995.

Материал поступил в редакцию 10.10.07

YARMOH E. Subculture in the Polish Army

In the article the author reveals the reasons of origin and conservation of subculture in the military surroundings, the character of dedovshchina, attitude soldiers to it depending on their term of the military service. The author shows that the subculture creates the real threat for moral and military discipline.

УДК 82:1

Потолков Ю.В.

ВРЕМЯ КАК ОБРАЗНО-СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Введение. Выражение «образно-субстанциальное содержание художественной литературы» в науке о словесном искусстве упо-

требляется пока достаточно редко. Поэтому имеет смысл остановиться на той трактовке, которая использована в нашей статье при-

Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской литературы Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.

менительно к этому выражению.

Мы исходим из факта, что внутренний мир каждого из людей двоичен: содержит в себе ипостаси как феноменальные, так и субстанциальные. Феномен (явление) в психологии человека всё то, что дано нам в опыте, познаётся рационально, может быть условно определено как «вещь для нас». Субстанция (первосущность) всё хоть подсознательно и присутствующее в природе человека, но логическому, рациональному познанию не подвластное. К этой ипостаси относится всё трансцендентное, метафизическое в человеке; оно условно может быть определено как «вещь в себе».

Поскольку литература – это образное отражение жизни, то, очевидно, что двоично и содержание изыщной словесности. Феноменальное в образе (соответственно с особенностями человеческой личности) преднамерено, социально обусловлено, эмпирично, рефлексивно, идеологически дифференцировано, постигается рационально и силой чувств. Нравственные поиски литературы на этом уровне – это осознанные творческие усилия писателей. Субстанциальное же в образном содержании запредельно писательским замыслам, надсоциально, сверхчувственно, самодостаточно, непреднамерено, воплощено в образах-универсалиях, нерелективно, неземпирично.

Поиски литературы в области нравственности на субстанциальном уровне диалектически связаны с феноменальными усилиями писателей, произрастают из них, однако суверенны по отношению к этим усилиям, поскольку включают в творческий процесс деятельность «предавтора», понимаемого как Божий промысел, духовное всеединство природы. Литература на уровне субстанции выступает как личность, проявляет себя самостоятельным, самодостаточным творческим индивидуумом, способным вести автономные, свободные от рационального контроля, поиски нравственного абсолюта. Эти поиски иррациональны, обусловлены надчеловеческими закономерностями духовного всеединства природы.

Литературные образы (в своей субстанциальной, самодостаточной содержательности) выступают в виде бытийных универсалий, а именно, как архетипы и топосы. Понятие архетипа трактуется литературоведением как явление первосущностное: «Архетип – универсальные врождённые психические модели, обусловленные фактором присутствия первобытной памяти человечества («коллективное бессознательное»), поэтому действительные для каждого индивидуума, независимо от его национальной, социальной, половой, возрастной и других определённости. Архетипы обладают способностью к бессознательному воспроизводству» [1, 13]. Приведённое определение верно, однако, на наш взгляд, содержит в себе суждения достаточно приблизительные. Как понимать определение «врождённые»? «Первобытная память» – о чём? Пробуя ответить на эти вопросы, мы придём к мысли (не отмеченной в определении) о том, что архетипы – это воплощение некоей предчеловеческой сущности, в силах которой инспирировать «врождённость» и составить содержание «первобытной памяти». Тезис же о «бессознательном воспроизводстве» можно принять, если постигать явление архетипа только с феноменальных, рациональных позиций.

Действительно, архетипы проявляют себя в художественном образе бессознательно, но такое утверждение верно лишь в том случае, если исходить их мысли, что в духовном всеединстве природы существует лишь только человеческое сознание, которое вроде бы определяет собою экзистенцию всего сущего. Однако с таким суждением не позволяют согласиться реальные факты мироздания. Человечество вошло в мир природы, когда она уже была многообразно развита, существовала и двигалась по уже имевшимся законам выживания. Человеку навсегда осталось только постигать те константы, которые сформировались в дочеловеческий период мировой истории. Попытки цивилизации преобразовать природу по своему усмотрению, как правило, приводят к плачевным результатам, прежде всего потому, что степень знакомства человечества с закономерностями природы микроскопически мала. Что-либо диктовать природе с высоты этой микроскопичности – абсурдно.

Возникновение в древнейшие времена литературы и искусства, а также гуманитарных наук, на наш взгляд, вызвано появившимся тогда ощущением нарастающего конфликта между непознанным людьми разумом природы и противостоящим природе разумом людей. Архетип выступает своеобразным «ограничителем» преобразовательной рациональной инициативы человека. Библейские заповеди по своей содержательной сущности архетипичны. Можно быть уверенным, что нравственная основа этих заповедей складывалась в ментальности

людей в течение длительного исторического пути, обусловлены они не человеческой волей, а законами экзистенции живой природы на планете Земля, которые существовали ещё до хомо сапиенса.

Таким образом, архетип, хоть и воспринимается как логически осмысленная данность, создан не цивилизацией. А это означает, что понятие «время» при осмыслении субстанциального содержания приобретает специфические особенности, открывающие неожиданные возможности самоосмысления как реального человечества (то есть, в данном случае, – читателей), так и человечества виртуального (то есть – персонажей в сюжетах литературы). Обратимся к трактовке понятия «время» в современной философии: «Пространство и время – философские категории, посредством которых обозначаются формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их со-бытие, сосуществование (в пространстве), с другой – процессы смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования» [2, 804].

Приведённое определение носит очевидно феноменальный характер. Смена процессов выступает здесь как фактор, постижимый для рационального восприятия. Разум определяет начало одного процесса и его завершение, а, следовательно, понимает сущность постигаемого процесса, логику взаимосвязей его с другими цивилизационными движениями. То есть перед нами выступает сугубо человеческое время. Мир, существующий вне человеческого разума, в расчёт не берётся. Но нет смысла утверждать, что такого мира нет как такового. А поскольку метафизическая реальность в бытии человечества присутствует, то есть все основания осмысливать и категорию времени и в субстанциальном проявлении этой реальности в содержании художественной литературы.

В данном случае необходимо обратиться к примеру. Рассмотрим проявление категории времени в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). По поводу образа Евгения Базарова в литературоведении читаем следующее: «Евгений Базаров – во многом программный образ Тургенева. Это представитель новой, разночинно-демократической интеллигенции. Базаров называет себя нигилистом: он отрицает основы современного ему общественного уклада, выступает против преклонения перед любыми авторитетами, отвергает принципы, принятые на веру, не понимает восхищения искусством и красотой природы, чувство любви объясняет с точки зрения идеологии» [3, 43].

Перед нами – совершенно справедливая и доказательная оценка образного явления. Но – лишь с точки зрения феноменальной: персонаж в ней осмысливается только как результат творческого действия человека-писателя, имеющего программу своих устремлений. Анализируется социально-политический статус героя (принадлежность Базарова к разночинно-демократической интеллигенции), его нравственная позиция (социально обусловленная) – нигилизм. Время в приведённом здесь определении понимается именно как процесс, имеющий свои исторические границы.

Читатель процитированного выше суждения о Базарове, чётко понимает, что разночинная интеллигенция выразила один из этапов социальной идентификации человечества, то есть воплотила в своей деятельности закономерный этап исторического времени, его движения. Итак, образное время (в его феноменальном воплощении) подвижно. В этом состоит его определяющая особенность.

Однако если осмыслить образ Базарова как сущность образно-субстанциальную, категория времени начнёт будет восприниматься по-иному. Характер персонажа в данном случае воспринимается как частное проявление архетипа. Ведущим из этого ряда сущностей является архетип выживания через духовность, через человечность. Под духовностью, на наш взгляд, следует понимать гармонию между жизненной практикой индивида (а также социума) и духовным всеединством природы (или Божим замыслом). Выражение: «Бог есть любовь», по сути, и выражает собою смысл главного из архетипов, воплощённых в мировой литературе.

Все несчастья в истории человечества и все конфликты в литературных сюжетах основываются на различном отношении индивидуумов к означенному архетипу. Так было всегда и так будет всегда. Следовательно, образно-субстанциальное время (в своём архетипическом выражении) неподвижно (в отличие от времени феноменального). Евгений попробовал закон архетипа любви нарушить. Лично Базарову его суждения казались новаторскими и конструктивными. Но известная надпись на кольце библейского царя Соломона («Всё пройдёт») неоспорима.

Роман «Отцы и дети» предстаёт сегодня не только в своём феноменальном, социально-обусловленном содержании, но и как высказывание о том, что архетипические законы преодолели. Базаров субстанциально выступает в сюжете воплощением той высокой любви, на которую не способны Кирсановы. В этой внутреннем драматическом конфликте в душе Евгения и состоит, на наш взгляд, притягательность образа Базарова. Непреднамеренно этот персонаж оказывается причастен к тем духовным катаклизмам, на которых построены характеры героев Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

То есть Евгений в самодостаточном воплощении – именно – «отец», (то есть воплощение традиционной нравственности) хоть сам он в этом себе не признаётся. А вот его оппоненты на роль «отцов» претендовать могут в весьма относительной степени, поскольку они, по сути, фразёры. Но этот вывод – субстанциальный. На феноменальном уровне все те оценки, которые высказываются современным литературоведением, актуальны и убедительны. Субстанциальное и феноменальное в литературе отдельно друг от друга существуют лишь в абстракции, в теории. Следовательно, время в литературных сюжетах и подвижно (феноменально), и неподвижно (архетипически); и неповторимо, и постоянно; и сиюминутно, и извечно; и индивидуально, и общезначимо.

Категория времени в литературе на уровне топоса отличается в своем проявлении не только от феноменального его понимания, но и от понимания архетипического. Само понятие топоса трактуется многообразно. Обратимся к наиболее распространённому, согласно которому топос относится к «структурам универсальным, надвременным, статичным»; в топосе видят) типы эмоциональной настроенности (возвышенное, трагическое, смех и т.п.), нравственно-философские проблемы (добро и зло, истина и красота), «вечные темы», сопряжённые с мифологическими смыслами, и, наконец, арсенал художественных форм, которые находят себе применение всегда и везде» [4, 357]. Феноменальное воплощение топоса очевидно связано с качеством конкретно-исторической экзистенциальной ситуации, переживаемой обществом в тот или иной момент. Топосы именуют «общими местами», которые «уходят своими корнями в долитературную архаику» [4, 357], которая может трактоваться и как дочеловеческая архаика, когда существовали природные формы, наделённые субстанциальной гармоничностью; проявлялись предэстетические поиски прекрасного в животном мире и т.д.

Очевидно, можно говорить и о первосущностной, извечной гармонии, ставшей содержанием земной природы и сформировавшей внутренний мир человеческой личности. Действительно, корни топосов первосущностны. Но в каждый из моментов топос выступает как тип эмоциональной настроенности, непреднамеренно характерной обществу спонтанно, подсознательно. Человеческая история при таком понимании начинается осознаваться как развивающееся бытие единого живого организма, переживающего те же психологические этапы, через которые приходится проходить любому из людей: от детской наивности до старческой мудрости. Эти этапы бесконечно концентрически повторяются, обретая всё новые качественные параметры.

На феноменальном уровне каждый новый этап истории богатее опытом, нежели этапы предшествующие; в топическом смысле новый опыт решающего значения не имеет. То есть, в любой из моментов человечество переживает одинаковые, в основном топические состояния. Примером сказанному может быть движение топосов в русской литературе первой половины XX века. Серебряный век означен топосом человека ожидающего и непреднамеренно подобен детству любого из людей. Ожидания Серебряного века самые разнообразные – и радостные, и грустные, и панические. Литература 1917-1929 годов означена топосом человека надеющегося. Феноменально литература этого времени была разделена на идеологически противостоящие друг другу направления. Но в метафизическом содержании означенного периода просматривается надежда обеих из противоборствующих сил на приход нового времени, в котором Россия сможет стать цветущей и справедливой (иное дело, что каждая из сторон эту справедливость понимала по-своему). Если продолжать сравнение литературного процесса с духовным становлением человеческой личности, то двадцатые годы подобны юношеству с его романтическими мечтами.

30-е годы отмечены топосом человека встревоженного. Причины для тревоги очевидны: это приближение мировой войны и репрессии

властей по отношению к народу. Время это подобно началу взрослости, когда перед личностью появляются первые серьёзные испытания.

Литература периода Великой Отечественной войны воплотила в себе не только патриотические настроения, связанные с военным отпором агрессору, но и факт, что каждый воин вошёл в войну из 30-х годов, то есть из обстановки репрессий. У многих накопились личные обиды на жестокое и несправедливое отношение государства к их родственникам, а то и непосредственно к самим участникам сражений. Топосом в этой литературе стал человек, совершающий не только военный, но и духовный подвиг, то есть проявляющий себя личностью покаянной и прощающей одновременно. Покаянной, так как вторжение противника – это причина стыда гражданина перед родной страной (почему допустил вторжение); и прощающей, поскольку, как сказано выше, за предвоенные годы к государству у личности накопилось множество обид, и личность стояла перед проблемой: защищать ли такую страну? Война в смысле субстанциальном стала пороговой ситуацией, которую можно соотнести с тем моментом человеческой жизни, когда индивид во время совершенной взрослости испытывается на зрелость духа.

Словесное искусство первого послевоенного десятилетия оказалось завершающим в рассматриваемом периоде, то есть сыграло роль сюжетной развязки, которая несла в себе уже элементы «завязки» следующего этапа: приближалась «хрущёвская оттепель». Топосом этого периода стала фигура человека, возвращающегося к мирной жизни. Сложность этого возвращения состояла прежде всего, в том, что солдат оказался свидетелем истории, представшей перед ним в своей подлинной противоречивости. Человек вне зависимости от своего желания приобретал возможность делать собственные выводы о сущности прожитой им жизни.

Подобное движение литературы (на уровне непреднамеренном, топическом) от незнания к прозрению, от «детства» ко «взрослости» субстанциально присуще любой из известных эпох в искусстве. Представленная выше картина топического движения позволяет сделать вывод о том, что в отличие от архетипических проявлений, которые являют собою извечное, то есть неподвижное, вневременное, ядро морали, топос, по нашему мнению, подвижен в рамках каждого из очевидно присутствующих в литературном движении завершённых периодов, но статичен как образное воплощение главной экзистенциальной проблемы человечества – духовного, и как следствие, физического выживания людей на земле.

Образ Евгения Базарова в своей субстанциальной содержательности представляет частное проявление архетипа любви и в этом понимании движения времени он в себе не содержит: какие бы изменения в сюжетной судьбе этого персонажа ни происходили, он всё равно остаётся воплощением архетипа любви, который своей самодостаточной сутью подтверждает неподвижность архетипического времени. Но топически, в психологическом движении Базаров иной: он воплощает личность, у которой не хватило сил на следование архетипу любви. Это была в 60-е годы не просто личность отдельного человека, но топос времени, которое, как и Базаров, пыталось достичь гармонии бытия силою безлюбного разума. Все нигилистические концепции Евгения, представленные в сюжете романа, – это феноменальное выражение (социально и исторически обусловленное) душевной беспомощности персонажа и общества в целом.

Сюжет романа внерационально представляет закономерную судьбу личности, не сумевшей воплотить в себе архетипический императив «возлюби!». Герой погибает. В данном случае имеет определённое значение то романное обстоятельство, что Базаров – будучи исследователем природы, естествоиспытателем, не сумел тем не менее остаться в рамках гармонии в мире природы, попытался нарушить единство между микрокосмом внутреннего мира человека и макрокосмом вселенной, поставил на место этого единства диктат микрокосма, то есть навязал человеческую волю всему окружающему. Так что топос – в его запредельном для писательской воли сюжетном движении – выступил здесь как модель губительной конфронтации человека с биосферой. А это означает, что в рамках романного действия топос движется.

Но такое, субстанциально-образное движение не идентично реальному социально-историческому времени. История Базарова в самодостаточном смысле приобретает черты притчи, актуальной для всех времён. Евгений – очередной «блудный сын», «разоривший имение отца». В притче движение времени мнимое, поскольку обу-

словлено не складывающимися межличностными обстоятельствами, а данными свыше закономерностями поведения человека.

Таким образом, метафизическая содержательность любого литературного сюжета имеет особые временные проявления, хоть и связанные с хронопными параметрами феноменального сюжета, но принципиально не идентичные им. Субстанциальная содержательность вносит специфические акценты в понимание сущностей хронотопа. Известно, что «хронотоп запечатлевает связи человека с миром, нередко отражая духовные движения персонажа, являясь косвенным свидетельством отношения автора к поворотам в судьбе героя. (...) каждая из пространственно-временных форм – не копия действительности, а образ, несущий в себе авторское понимание и оценку» [1, 124].

При осмыслении приведенной формулировки через то содержание в сюжете, которое за пределами авторскому замыслу, исследователь обязан ответить себе на вопрос: какой именно мир имеется в ней в виду: феноменальный, данный в человеческом опыте, или же субстанциальный, к появлению которого человек прямого отношения не имеет? Возникает и ещё один вопрос: о каком авторе (кроме писателя-человека) может быть в формулировке речь? Ведь и персонаж, и сам писатель, и читатель художественного произведения едины в своей зависимости от «предавателя», то есть от тех трансцендентных явлений, в кругу которых живёт человечество и на которые оно не может оказать решающего воздействия. Поэтому приведенное выше определение хронотопа при исследовании образно-непреднамеренного могло бы быть дополнено и выглядеть следующим образом: «Хронотоп запечатлевает феноменально-субстанциальные связи человека с миром (физическим и метафизическим) (...) каждая из пространственно-временных форм – не копия действительности, а образ, несущий в себе авторское («предавторское и писательское»), понимание и оценку». То есть, признавая существование не только преднамеренного, но и непреднамеренного в образе, мы существенно расширяем границы понятия «хронотоп», признавая присутствие в этом понятии аспектов как подвластных рациональному познанию, так и неподвластных ему, но, тем не менее, существующих и, следовательно, требующих своего изучения.

Постижение «субстанциального времени» в образе может прийти к убедительному результату только в случае, если нами будет избрана методология, соответствующая этому предмету постижения. Таковой методологией может быть избрана эмпатия, предполагающая сопереживательное вчувствование реципиента в непреднамеренное содержание образа. Сопереживательность в данном случае может пониматься как объективно идентичная реакция читателя и персонажа на единство обстоятельств, в которых они находятся (под обстоятельством – имеется в виду наша всеобщая зависимость от надчеловеческих условий природы, от Божьего промысла. Скажем, Одиссей, описанный Гомером, субстанциально живёт в том же

времени, в котором находится ныне каждый из нас. Ведь этот персонаж поэмы воплощает в себе архетип стремления к любви. Ведь все препятствия, которые встречаются на пути Одиссея к Пенелопе, – лишь метафора тех испытаний, которые выпадают на долю любого мужчины, ищущего путей к сердцу любимой им женщины.

Только «вчувствуясь» в переживания влюблённого Одиссея, соотнося их со своими личными чувствами и обстоятельствами, читатель может войти в состояние сопереживания с персонажем и уловить неподвижность архетипического времени. При этом станет очевидным мнимый характер движения времени в рамках топической сюжетной действительности, когда каждое из искушений (грубой силой Полифема, предательской красотой пения Сирен и т.д.) выступает как воплощение отдельного трансцендентного душевного состояния. Это состояние, материализуясь в феноменальном сюжетном облике, посещает душу каждого из читателей, в каком бы веке и в каком бы месте он не жил. Одиссей вступает с нами в сопереживательный диалог по той причине, что он, как и любой из бесчисленного количества читателей поэмы Гомера, – един с нами в нашей соотнесённости с духовным всеединством природы и с замыслом Всевышнего.

Заключение. Подводя итоги нашему сообщению о времени как образно-субстанциальной категории, следует подчеркнуть следующее:

- рассматриваемая в статье проблема времени как образно-субстанциальной категории существует только лишь в том случае, если мы признаем присутствие в содержании художественного образа аспектов не только феноменальных (рациональных), но и самодостаточных (иррациональных);
- категории времени в феномене и субстанции диалектически взаимосвязаны, но принципиально не идентичны друг другу, поскольку соотносятся между собой как рационально осознаваемое и интуитивно чувствуемое;
- образные категории времени и пространства (в их субстанциальном бытии) существенно расширяют традиционное понимание хронотопа;
- отличительной особенностью времени как образно-субстанциальной категории является неподвижность времени в архетипе и его «мнимая подвижность» в топосе.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сулова, Н. В., Усольцева, Т. Н. Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя. – Мозырь, 2003.
2. Новейший философский словарь. – Мн., 2001.
3. Энциклопедия литературных героев. – М., 1997.
4. Хализев, В. Е. Теория литературы. – М., 2000.

Материал поступил в редакцию 15.11.07

POTOLKOW J.V. The Time as figuratively-substantive category

Expression «is figurative-substantive the contents of fiction» in a science about verbal art is used while seldom enough. The author starts with the fact, that a private world of each of people doubly: comprises *ипостаси* as phenomenal, and substantive. Summing up to the message on time as figuratively-substantive categories, the following is emphasized: 1) the problem of time as figuratively-substantive categories exists only in the event that we recognize presence at the contents of an artistic image of aspects not only phenomenal (rational), but also self-sufficient (irrational); 2) categories of time in a phenomenon and substances are dialectically interconnected, but essentially are not identical each other; 3) figurative categories of time and space essentially expand traditional understanding «hronotop»; 4) distinctive feature of time as figuratively-substantive categories is the immovability of time.

УДК 82:1

Столярчук С.П.

ТЕМАТИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БРОДСКОГО

Введение. Общим местом исследований о И.А. Бродском, своеобразным предрассудком стало прямолинейное утверждение о зависимости поэта от языка, хотя уже в «Нобелевской лекции» поэта, которая часто цитируется по этому поводу, такая зависимость описана довольно сложно. В «Нобелевской лекции» Бродский заостряет

полемичность своей позиции по отношению к гуманистическим взглядам своих предшественников, в частности американского писателя (одного из почитаемых Бродским) У. Фолкнера: «Я не так уверен, что человек восторжествует, как однажды сказал мой великий американский соотечественник, стоя, как я полагаю, в этом самом

Столярчук Сергей Павлович, преподаватель кафедры классической и современной зарубежной филологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.